

18+

М.Е. Соболева

*Пу о рѣи,
и обо всѣи*

М. Е. Суворова

Ни о чём и обо всём

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70259890

ISBN 9785006212374

Аннотация

Перед вами книга, которая непременно станет одной из любимых на столике у кровати. Это сборник ироничных, исключительно жизненных рассказов. Зарисовки ситуаций, в которые мы попадаем изо дня в день, не оставят равнодушными, где-то заставят улыбнуться, а где-то задуматься. О чем-то серьезном и не очень, о будущем и о том, что происходит здесь и сейчас. О семье, друзьях, житейском счастье, которое ищет каждый. И обязательно находит – свое, родное, в чем бы оно ни заключалось.

Содержание

Вступление и благодарности	5
Я от Модеста Ивановича	8
Ослиное упрямство	17
Отдых	21
Записки туристки	28
Грибники	41
Мужская нежность	45
Козлиное счастье	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ни о чём и обо всём

М. Е. Суворова

© М. Е. Суворова, 2024

ISBN 978-5-0062-1237-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление и благодарности

Иногда достаточно одной фразы от близкого человека, который очень верит в тебя, твой писательский талант, чтобы ты не останавливалась, а делала то, от чего получаешь удовольствие.

«Каждый человек должен делать то, что он очень хорошо умеет. Ты должна писать» – это были слова моей подруги, одноклассницы, которые я очень хорошо запомнила.

Первую книгу своих рассказов я получила от неё в подарок несколько лет назад, и это был самый лучший подарок в моей жизни.

Леночка, благодарю тебя за твою в меня веру. Без тебя и помощи моих самых близких людей не было бы этой книги.

Огромная благодарность моему сыну Алексею за помощь и поддержку в том, чтобы книга наконец появилась на свет в отредактированном виде.

* * *

Пишу для людей, о людях, о их жизни. Пишу о том, что на-

блюдаю в повседневной жизни. В своих рассказах размышляю, смеюсь, переживаю вместе со своими читателями.

Каждый сможет увидеть в моих рассказах что-то близкое, знакомое, что перекликается с их жизненными ситуациями.

Марина

Я от Модеста Ивановича

Во все года и века считалось большой удачей найти хорошего врача. Хороший врач – это великое дело, он может продлить твою жизнь, сделать её яркой и красочной, наполненной чёткими звуками, способностью хорошо видеть, слышать и жевать. А также, pardon за голую откровенность, писать-какать, ходить на двух ногах уверенно и твёрдо. В общем, хороший врач – это ваше всё, если вдруг в системе организма произошёл сбой, и стало необходимо срочно его починить и качественно отреставрировать.

В наше время врачей хоть пруд пруди. Но попасть к хорошему доктору – счастливая редкость. Раньше, в каждой благородной дворянской семье был свой, семейный доктор, который знал о болячках всех членов родового клана: как часто бывает ангина у младшей дочери семьи N, что отцу семейства следует держать в тепле поясницу, а у матушки камни в желчном и ей не следует есть жирную пищу, а дед крепок как столетний дуб и у него почти все зубы целы, что является признаком крепкого здоровья и долгожительности.

В наши дни мы лишены такой роскоши – иметь своего семейного доктора. Приходится полагаться на волю судьбы. Качественно ли выполнил свою работу врач можно узнать,

к сожалению, чаще всего ценой своего здоровья.

У меня два любимых доктора – стоматолог и гинеколог. После того как мне починили половину зубов в нашей частной стоматологической клинике «Очаровательная улыбка», и у меня через пару месяцев стали отваливаться пломбы вместе с остатками зубов, я поняла, что там работают плохие дяди и тётки, которые обманывают несчастных, больных на зубу людей. На здании клиники висело огромное изображение красивой тётки с улыбкой в 42 зуба до самых гланд. Каждый зуб был похож на отборную жемчужину без единого изъяна. Люди ныряли в дверь под рекламным плакатом с тёткой, как крысы за мелодией волшебной дудочки. Может сравнение с крысами не очень удачное, но другое как-то на ум не пришло. Тем более, что люди действительно заходили в двери клиники со стеклянным выражением глаз, как в забыты. Может верили, что чем черт не шутит, выйдут отсюда и будут улыбаться акулей улыбкой тётки с плаката и грызть по 2 килограмма моркови в день, как бобры древесину.

Через какое-то время красоте на плакате заштриховали черной краской зубики через один. Видимо кто-то сильно обиделся на несбывшиеся обещания и надежды, и не поленился показать всю правдивую сущность труда зубных специалистов этого заведения. Теперь народ шарахается от дверей заведения, как от чумы. Но свое чёрное дело клиника

успела сделать. Я потом 10 лет пыталась склеить и удержать во рту драгоценные остатки своих зубов.

На этот раз с врачом мне несказанно повезло. Я его любила, как члена семьи за умение и способность продлевать жизнь моим зубам. Не знаю, любил ли меня врач, но каждый раз, когда я открывала свой рот при очередном к нему визите, он всплёскивал руками и тихо говорил: «... твою мать!». Фраза была из трёх слов, но первое он, видимо, стеснялся произнести вслух, а просто шевелил его губами. Я каждый раз обмирала в кресле от его слов, в ужасе пытаюсь представить себе, что же там такого в моем ротовом отверстии он углядел, что может вызывать такой короткий, но ёмкий приговор?

Врача звали Александр Иванович. Он очень любил разговаривать с пациентами, пока ковырялся у них в зубах. Может это привычка многих зубных врачей? Я не знаю. Но мой врач любил задавать мне вопросы, сам же на них отвечать и оспаривать свои же ответы, недоумевая при этом, почему я молчу. Как-то не приходило, видимо, ему в голову, что с открытым ртом отвечать сложно, разве что только мычать. Пока он возился со мной – ласково называл то птичкой, то рыбкой, то умничкой. Если что-то у него не получалось, он ругался, беззвучно шевеля губами на неприличных словах и восклицал при этом: «Господи! Какой маленький рот!». Я

вздыхала, что делать – рот маленький, во рту какой-то ужас, который из года в год Александр Иванович пытался ликвидировать. И надо сказать, что ему это удавалось.

По наследству от меня врач перешёл моей маме, брату и подруге. Все были довольны. Мама смеялась, когда возвращалась от Александра Ивановича: «Опять твой доктор пересказал мне все политические и семейные новости. Дочка у него младшая в школу пошла, а жена у него тоже зубной врач и зовут её, представляешь, как тебя!». Я знала, что мы с его женой тёзки. Это меня ещё больше сближало с врачом и его семьёй. Я знала о его жизни так много, как будто мы жили в соседних подъездах.

Я вышла с новопочиненными зубами из здания, где принимал мой врач. На лавочке возле входа сидели дед с внучкой. Они улыбнулись мне одинаковыми, щербатыми улыбками. «Какие славные», – подумала я. И улыбки у них были славные, открытые, с той только разницей, что у внучки скоро вылезут новенькие, белые, крепкие зубки, а у деда выпадут последние. Раньше, в древние времена, внуки жевали своим старикам пищу, чтобы они не умерли с голоду. Я представила себе, как девчушка будет пережевывать пищу своими крепкими, молодыми зубами для любимого, дорогого человека, чтобы продлить ему жизнь.

У меня появилась нужда в походе к гинекологу. Обычно люди идут к врачам, когда уже сильно прижмёт, и не идти будет нельзя. Врачам в нашей стране не доверяют и даже боятся. Да и кому охота сидеть в скорбной очереди часами, чтобы на 10 минут попасть в кабинет к врачу с уставшими, равнодушными глазами, на лице которого можно прочесть, что ему и самому неплохо было бы полечиться.

Гинеколог в нашей поликлинике явно была больна, так как выражение лица у неё было такое, как будто у неё болят все зубы разом. Она была далека мыслями от своих пациентов. Ей вообще было ни до чего. После быстрого осмотра вялыми, прохладными руками, она молча выписала мне витамины и какие-то БАДы. Я поинтересовалась – почему так сильно болит и засомневалась, что выписанные препараты мне помогут.

«Так бывает в вашем возрасте, – туманно ответила врач. – Если не поможет за две недели, то придёте ко мне снова. Я выпишу другие препараты». Всё это она говорила, глядя на меня сонными глазами. В них я прочитала, что, «Боже, как вы мне все надоели!». Если не поможет, то само пройдет или отвалится, как старая запчасть в грузовике.

Грузовиком я себя чувствовать не хотела, поэтому решила поехать в платную клинику, к врачу, которого мне посовето-

вала одна хорошая знакомая. По рекомендации всегда лучше к любым специалистам обращаться. Это значит, что человек проверенный. Хорошего специалиста передают из рук в руки, как драгоценный сосуд с целебным напитком.

Приятельница дала мне бумажку с адресом и телефоном и назвала кодовую фразу, которую я должна была назвать при телефонном звонке. Это мне напомнило советские времена тотального дефицита. Сразу вспомнились старые книги и фильмы, в которых герои, чтобы достать колбасу салями с икрой или заграничный прикид, называли при встрече заветную фразу: «Я от Модеста Ивановича. Он о вас помнит и передает вам большой привет».

Имя человека, которое следовало назвать, оказалось столь мудрёным, что я целый вечер заучивала его наизусть, пытаясь представить себе, как выглядит человек с таким именем и отчеством, и к какой невиданной национальности он принадлежит. Волнуясь, я позвонила врачу и назвала пароль. Это сработало, в голосе говорящего появились теплота и заинтересованность.

При встрече врач оказался худеньким, стремительным, похожим на подростка человеком. В зрелом возрасте уже так не стесняются мужчин – гинекологов, как в юности. Помню, как я говорила своей маме, будучи на 9-ом месяце беремен-

ности, что ни за что рожать не стану, если акушер окажется мужчиной. «Милая, тебе будет не до стеснения. Даже если придёт целая толпа мужиков акушеров, тебе будет всё равно, лишь бы родить». Так оно и случилось. Когда я рожала своего первого ребенка, меня наблюдали сразу двое мужчин этой чудесной профессии. И они оказались мягче, добрее и компетентнее врачей-женщин.

Врач, которого звали Игорь Андреевич, с вполне русской фамилией и не совсем русской внешностью, попросил меня занять место на кресле. Мне выдали бахилы на ноги, чему я очень обрадовалась, так как меня обычно смущает, что мои голые ступни висят по бокам от носа доктора, который меня осматривает. Ноги имеют обыкновение потеть и пахнуть отнюдь не розами. И неизвестно, кому это более неприятно врачу или пациенту. Вполне возможно, что врач уже привык к издержкам своей профессии, а краснеть и потеть ещё больше, и испытывать неудобство будете скорее вы, чем доктор.

Я решила, что тому, кто придумал надевать бахилы на голые ноги, надо выдать большую премию и объявить всемирную благодарность. Всё гениальное просто. В результате все спокойны и довольны друг другом.

Игорь Андреевич аккуратно приступил к осмотру. Кресло было каким-то новомодным и автоматически поднималось

причинным местом к самым глазам доктора. Я лежала в позе полуберёзки, а врач вел неспешный рассказ о том, что он там у меня обнаружил. Рассказывал он интересно и подробно, объясняя и расшифровывая непонятные для меня медицинские термины. Я задавала ему вопросы, он с готовностью на них отвечал. Так мы мило беседовали минут десять. Я в бахилах с растопыренными ногами. Он, стоя между моих ног, ощупывая мой низ живота. Я беспокоилась, удобно ли ему так вести со мной беседу. Видимо, ему было удобно, он, скорее всего, давно привык вести разговор в таком положении. И я тоже расслабилась и вела себя естественно, как будто мы мило беседовали, сидя рядом на морском берегу.

Доктор действительно очень помог мне. Мои недомогания вскоре прошли. Я ещё несколько раз приезжала к нему на приём и, он, каждый раз спрашивал: «Напомните мне, от кого вы?». Я называла заветную фразу, доктор теплел лицом и взглядом, видимо, вспоминая что-то приятное, связанное с человеком, имя которого я произносила.

До сих пор не знаю, как выглядел тот человек с необычным именем и отчеством, в какой стране он родился, а может даже племени, но я ему очень благодарна за то, что попала к такому хорошему врачу и человеку, как Игорь Андреевич. И как порой всё-таки замечательно, что в нашей жизни можно что-то изменить к лучшему, достаточно при этом сказать

одну загадочную фразу: «Я от Модеста Ивановича. Он о Вас помнит и передаёт вам бааальшооой привет!».

До сих пор не знаю, как выглядел тот человек с необычным именем и отчеством, в какой стране он родился, а может даже племени, но я ему очень благодарна за то, что попала к такому хорошему врачу и человеку как Игорь Андреевич. И как порой всё-таки замечательно, что в нашей жизни можно что-то изменить к лучшему, достаточно при этом сказать одну загадочную фразу: «Я от Модеста Ивановича. Он о Вас помнит и передаёт вам БОООЛЬШОЙ привет!».

Ослиное упрямство

Иванов проснулся от того, что захотел в туалет по малой нужде. Первые секунды спросонья он ещё не мог понять, что его выдернуло из сладких грёз сна, а когда понял, то в голове промелькнула досада. Вставать и вообще делать какие-то движения совсем, ну, никак не хотелось. А в туалет хотелось. Иванов вяло ругал себя за такое глупое упрямство. Знал ведь, что провалиться обратно в сон он не сможет, что надо вставать, а если встать, то тогда надежда на то, что он всё-таки крепко уснёт, окончательно испарится.

Иванову снилось что-то очень приятное, хорошее, но что именно, он сейчас точно припомнить не мог. Воспоминание ускользало от него, как слова из старой песни – крутятся слова на языке, а вспомнить их никак не удаётся. Он лежал и не шевелился, постепенно злясь на себя все больше и больше: «Ну, вот что за человек! Ведь встать надо, не в постели же нужду справлять!». Иванов вспомнил себя маленьким. Как он иногда, когда очень крепко засыпал, обнаруживал с утра под собой мокрый, жёлтый кружок. Бабушка горестно всплёскивала руками: «Опять! Что ж ты, ирод, так крепко спишь, как убитый, что до нужника не можешь сбежать! Осподи! Вот горе-то моё! Снова матрас сушить придётся. Клавка соседка опять будет коситься из-за своего забора.

У неё после внука матрас сушить не надо! Водяной ты мой, чисто водяной!».

Иванов подумал, что если жена увидит в постели желтый круг, то поймет, что супруг окончательно сошёл с ума. Тем более, что это, наверняка, будет не круг, а огромная окружность, целое озеро.

«А вот и не встану! – думал с каким-то злым упрямством Иванов. – Пусть думают, что я впал в детство, и сдадут меня в Тишкинку». Тишкинкой бабушка в детстве называла сумасшедший дом. Почему именно Тишкинкой, Иванов не знал. Наверное, было место такое, может посёлок или городок, где находилось сие скорбное заведение. Бабушки давно не было на свете, и теперь уже спросить об этом было не у кого.

«Вот буду лежать в Тишкинке вместе с другими помешанными и притворяться дураком», – решил Иванов. Зато не надо будет вставать на работу, решать кучу неотложных вопросов и дел, которые без Иванова стояли, как неразгруженный состав на запасном пути. Там не будут доставать жена и дети, которые всё время теребили уставшего до одури Иванова. Всем им что-то было от него надо. Жене – новую шубу или деньги на курорт, сыну – мотоцикл, маленькой дочке – куклу и покачать на ноге, как на лошадке. Не надо будет ехать на дачу, где жена заставляла сажать картошку. Иванов совер-

шенно не понимал этого дурацкого занятия. Зачем весной нужно было вскапывать пять грядок, бросать туда чуть съевшиеся семенные клубни, чтобы потом, в конце лета выкопать бедную картошку в таком же количестве и качестве, как забросил три месяца назад?

«Зато своя, без нитратов», – гордо говорила жена. И уже не помнила, как все летние месяцы ругала сорняки и колорадских жуков и корячилась на этих пяти грядках, не разгибая спины.

Каждую весну Иванов с надеждой спрашивал: «Может ну её, а? Купим на рынке, всё равно ведь много не соберём, будем докупать». Но, видимо жене нравилась эта глупая, ничёмная игра «Спрячь картошку, отыщи картошку». Может так она чувствовала, что делает какое-то нужное, полезное дело на благо семьи. И значимость этого дела придавало ей уверенности в себе, возвышая её в собственных глазах, как хорошую хозяйку, заботливую жену и маму, удачливого садовода-огородника.

Иванов смирялся и махал рукой на такую причуду жены. Причудой, не иначе мог назвать этот процесс Иванов, так как денег он приносил в дом достаточно, чтобы купить целую плантацию картошки и других огородных культур.

Иванов мечтал посадить на месте картофельных грядок берёзки. Берёзки он любил, они напоминали ему детство, бабушку, походы за грибами и ягодами. Жена говорила, что Иванов ненормальный. Березок было полно в лесу, который раскинулся у них в полукилометре от забора. Иди и любишься, сколько влезет. Какой прок от березок, кору-то ведь жевать не будешь. А вот свою картошечку – с превеликим удовольствием, с маслицем и укропчиком за обе щеки умнёшь.

Иванов загрустил. Понял, что опять в этом году жена будет сажать картошку с ослиным упрямством. Что на работе опять его засосёт водоворот нерешённых вопросов и дел, дети будут хотеть от него чего-нибудь, в зависимости от сезона и своих фантазий. Ещё он понял, что не готов написать в постель, а значит в Тишкинку он не попадёт, и значит надо вставать и начинать новый день с чистого листа. Может сегодня что-то произойдёт, и Иванов начнёт этот лист с совершенно новой повести.

Отдых

Я лежала на пляже и думала, что жизнь как-то проходит мимо меня. Вот лежу я, вокруг пальмы, море песок, ходят красивые и не очень девушки в купальниках, бегают дети и переваливаются пузатые мужики в шортах. Иногда проходят молодые ребята с белозубыми улыбками, с переполненными энергией телами. Всё это движется вокруг меня как в калейдоскопе, море шумит, разбиваясь о камни. И всё это плавно обтекает меня, не вовлекая в свой круговорот. Только ветерок с моря ласкает мою кожу, нагретую солнцем.

Передо мной, в натянутом между деревьями гамаке, качается мужик в жёлтых трусах. Лицо у него такое, какое бывает у моего сына, когда он наблюдает за событиями со стороны – рот открыт, выражение лица передает все эмоции от наблюдаемых им событий, глаза как два маленьких телевизора, в которых отражается действие, происходящее перед ним, как на сцене. Мужик лежал с таким же выражением на лице, и был как-то даже немного похож на умственно отсталого.

Почему у детей такое рассредоточенное выражение выглядит вполне нормальным и уместным, а взрослые с таким же выражением выглядят как немного того? Потому что взрослые привыкли контролировать свои эмоции, они скры-

вают их под маской спокойствия и равнодушия. А дети и дураки полностью отдаются своим эмоциям, и это можно прочитать на их лицах.

Мужик не видел, что я вижу его, поэтому расслабился. А может, он вообще не привык одевать маску, а умел радоваться всему, как ребёнок в десять лет. Шёл шестой день отдыха на берегу так любимого мною моря, и я чувствовала, что начинаю как-то уставать от повторяющихся изо дня в день событий. У людей кипела жизнь. А у меня был распорядок. И я не знала как его нарушить. Как изменить в своей жизни что-то, чтобы это «что-то» качественно изменило всё, что устоялось в моей жизни.

Я хотела страстей и зрелищ, и участвовать во всём этом, и радоваться, и быть пусть маленьким, но не второстепенным персонажем в этой кипящей и бурлящей жизни.

Раньше, сто лет назад, всё так и было в моей жизни. Каждый день что-то происходило, как в приключенческом фильме. Я думала, что все так живут. Одна девушка, моя однокурсница, сказала как-то моей приятельнице, что ей кажется, что я очень многое сочиняю про себя, что не бывает, чтобы так пёстро, ярко и насыщенно жил один человек. Моих тогдашних событий хватило бы на нескольких таких девушек. Поэтому она не верила, что всё это доставалось мне

одной. Она пришла на наш курс после декретного отпуска. У неё был молодой муж и маленькая дочка, а сама она была красивая и серьёзная. В смысле того, что жизнь у неё была очень взрослой и серьёзной в сравнении с моей, хотя она была всего на полтора года старше нас. А я не врала и ничего не сочиняла. Я так жила и всё. В меня всё время кто-то влюблялся, вокруг кипели «шекспировские страсти». Я тоже влюблялась и крутила романы направо и налево. Мы с подругами всё время ходили в походы, бегали на дискотеки, участвовали в каких-то авантюрах, всё время что-то выдумывали, постоянно хохотали. Это была молодость, и я теперь никак не могла смириться с тем, что моя жизнь застыла как в ледниковом периоде. Картинка моих событий замёрзла в глыбе льда, в ней отражалась, как в зеркале, взрослая тётя с усталыми глазами. Да... жизнь потрепала нас всех, но я не хотела смириться с тем, что вместе с упругостью моего тела ушли неуловимые беспечность и лёгкость. Я-то чувствовала, что во мне всё ещё это есть. И так несправедливо, что в твою сторону никто не смотрит только потому, что у тебя лицо и фигура женщины «хорошо за тридцать», и рядом с тобой твои, уже почти взрослые дети.

Мимо меня прошла высокая девушка Настя. Насте двадцать лет, у неё белые, чуть выступающие вперёд верхние зубы, зелёные глаза и длинные летящие волосы. Настя привлекает к себе внимание, потому что она стройная и загоре-

лая, как эбонитовая статуэтка, она носит туфли на высокой платформе, и чувствуется, что считает себя красивой. Она и вправду красивая, потому что молода, у неё чистая упругая кожа, длинные ноги и высокая грудь. Вечером на диско-шоу на неё все смотрят и любят её молодостью и красотой. Настя впитывает в себя внимание как губка или цветок после дождя. Она воспринимает это как должное. И никто не знает, как будет выглядеть Настя через десять-пятнадцать лет. Может она будет всё так же притягивать к себе взоры, а может фигура её расплывётся, а глаза потухнут и станут похожи на пожухлое сено. И она уже не будет напиваться вниманием мужских глаз, ей будет не хватать этой энергии восхищения. Может она будет время от времени тихо плакать и вспоминать эти дни, когда она прошла мимо меня летящей походкой, неся свою голову на плечах как цветок тюльпана – нежный и хрупкий.

Мой сын устал просто так лежать и загорать. Он дёргает меня, ему скучно, и он хочет, чтобы я поиграла с ним во что-нибудь. Я заметила, что детей его поколения мучает скука. Это непрекращающаяся тема наших споров и скандалов с ним. Я удивляюсь на повышенных тонах по поводу того, что ему всё время скучно. У него есть всё. У них сейчас вообще есть всё, и даже более того, чтобы не скучать. А они сидят, как маленькие старички под грузом прожитых девяти-десяти лет, и скучают, как будто они прожили за де-

вать лет столетнюю жизнь, всё знают, всё умеют, и их ничего не радует. Пресытились. Я называю эту скуку «с жиру беситесь».

Рядом с нами играют двое турченёнков пола «Эм» и «Жо» четырёх примерно лет. Они взяли два пластиковых ящика, в которые отдыхающие бросают окурки и мусор, притащили откуда-то ведро. В таких обычно продают строительную краску. И замесили во всей этой утвари жижу из грязи и песка. Я сказала сыну: «Посмотри, вот им нескучно, они увлечены делом». Рядом отдыхают счастливые родители. Им всё равно, что их дети похожи на двух счастливых свинок, и их придётся отмывать вместе с одеждками, а в грязи куча всякой гадости и микробов. Зато все счастливы и при деле. Может мне тоже надо поменьше внимания обращать на гигиену своих детей и на то, во что они играют. Хотя, по правде сказать, если бы мой сын изъявил желание таким простым и незатейливым образом скрасить свой досуг, я была бы не менее счастлива, чем мама-турчиха. Но ему всё время скучно, и я порой не знаю чем его развлечь. Дети-турчата принесли своим родителям в пластмассовых стаканчиках с водой что-то сильно напоминающее какашку. Мама прижала палец к губам. Это означало: «Тихо, не мешайте спать отцу, и несите свою какашку расчудесную в другое место».

Вспомнила себя в возрасте своего сына. Я тоже любила

месить грязь. Помню, как домой явилась в одном сапоге, потому что второй намертво засосало в жидкой глине. Почему детям и свиньям доставляет такое удовольствие копать-ся в грязи? Какая тонкая связь между ними заставляет их с блаженством ковыряться в грязных лужах и мягкой пыли? Думаю, что и дети, и свиньи бесхитростно добры, и у них все чувства видны как на ладони. Им не надо ничего выдумывать, чтобы испытать счастливые минуты. Плюхнулся в грязь и вся печаль!

Современные дети какие-то стерильные, у них грязь в мозгах, а не на штанишках и платицах. Наша действительность выплёскивает на их головы потоки ненужной, тяжёлой информации, с которой не справляются их детские умишки. Глядя на то, как турецкие дети возятся в грязи, мне захотелось взять всех наших детей в кучу, вытащить у них из ушей наушники, отнять электронные, бездушные игрушки и посадить в большую канаву с классной глиняно-земляной жижей. И самой залезть туда в резиновых сапогах, с упоением чавкая своей обувкой, и ни о чём больше не думая. Вот это был бы отдых и для души, и для тела!

P.S.

От отдыха тоже можно устать. Есть люди, которые не умеют отдыхать. В них слишком много нерастроченной энер-

гии. Они её аккумулируют из космоса, из людей, из ниоткуда, и она не даёт им спокойно жить. А есть люди, которые никогда не отдыхают, потому что просто нет возможности. Они вынуждены вкалывать каждый день, чтобы выжить. Падая замертво в сон, они мечтают о том, чтобы лечь в позу тюленя и долго-долго ничего не делать. А есть такие, которые всё время отдыхают. Материальное положение позволяет им бесконечный отдых «forever». Но тогда у них пропадает смысл жизни. Они травят себя наркотиками и режут вены, выбрасываются из окон своих пентхаусов.

Я не хочу отдыхать всё время, и вкалывать как вол тоже не хочу. Всё должно быть хорошо в меру. Для меня отдых – это природа, обязательное присутствие большого количества воды – моря, озера, или большой широкой реки. Хоть раз в году я начинаю суетиться и тосковать по водным просторам. Начинаю собирать семью в стаю и улетать в тёплые края.

Записки туристки

Очень уж я люблю путешествовать, просто хлебом не корми. Была бы состоятельной дамой, объездила бы, наверное, весь земной шарик.

Больше всего в путешествиях от пункта А в пункт Б, я люблю саму дорогу, сам процесс, так сказать. Обожаю собираться, предвкушая, как переполняюсь вся до краёв новыми впечатлениями.

Особенно люблю самолеты. Эти огромные, серебристые птицы внушают мне просто какой-то священный трепет. Подъезжая в очередной раз к аэропорту, чувствую прямо-таки ни с чем несравнимое возбуждение и подъём. Так я всё это дело люблю – всю эту улетающе-прилетающую толпу народа, чемоданы, сумки, суету, информационные табло с меняющимися строками номеров рейсов. Обожаю голос диспетчера, который сначала на русском, а потом на английском (что особенно нравится) объявляет куда и кому идти, чтобы благополучно погрузиться в свой самолет и вовремя вылететь до пункта назначения. Английский вариант речи будоражит больше, и как бы придаёт значимости и возвышает в собственных мыслях.

«О, да! Да я крутая девчонка, I'm not just, меня по-англицки приглашают. Сейчас я взмою в небо со всей этой толпой, спешащей вместе со мной на наш рейс». И с нами там будут симпатичные девчонки и ребята, одетые в волшебную форму воздушного братства. Все они мне кажутся чуть ли не небожителями, приобщенными к некой тайне, и наделённые определённой властью в пределах воздушного пространства. Воздушный корабль – это их вотчина, крылатая машина, где они чувствуют себя в какой-то степени и на определённое время вершителями судеб во главе с капитаном корабля и его командой. И мы, пассажиры, так сказать, волею судьбы, маленький, вверенный их заботам народец, который они должны оберегать, поить-кормить, следить за нашим состоянием, создавать нам во время полета комфортное состояние, быть нам няньками и наставниками, скорой помощью, массовиками-затейниками. Ну, и просто добрыми ангелами-хранителями, пока шасси не коснётся земной тверди.

Обожаю этих ребят. Обожаю капитана корабля, потому что он почти Бог для меня на время полёта, в его руках наши жизни. Да и всех, летящих вместе со мной пассажиров люблю за общую причастность. Представляю себе какой это кайф и ни с чем несравнимое чувство – поднять в первый раз в небо эту огромную тяжелую машину и легко и плавно нести её в небе, разрезая крыльями облака. На небо подсаживаешься, как на наркотик, жить без него уже не можешь,

и живешь от полета до полета. Для любого летчика нет ничего хуже, чем списание на землю по состоянию здоровья и в силу возраста.

Вспомните наш хитовый фильм «Экипаж», который любим нами уже на протяжении многих лет. Для меня также, наверное, как для всех, кто любит летать, самые будоражащие моменты – это взлёт и посадка. Отсчёт времени идёт с того момента как самолет начинает движение по взлётной полосе, потом внезапно останавливается на несколько секунд, замирает как перед невероятным прыжком, и вдруг начинает разгоняться всё быстрее и быстрее, и в какой-то неуловимый, нужный момент отрывается от земли, неуклонно набирая высоту, замирая, как на очередной ступеньке, и поднимаясь на следующую ступень высоты, припадает то на одно крыло, то на другое, постепенно выравниваясь, прямо по заданному курсу.

В самолёте я практически никогда не сплю. И не потому, что совсем не хочется. Иногда бывает, что с превеликим удовольствием вздремнула бы часок- другой, но ведь просто невозможно спать на фоне дальнейших, разворачивающихся событий. Всегда завидую тем, кто, как только самолет начинает набирать высоту, откидываются на спинку кресла и спокойно себе отбывают в царство Морфея, не взирая на беготню по салону, грохот тележки, шумовые эффекты,

зоны турбулентности и прочие прелести полета. Только хочется смежить налитые усталостью веки, как начинается инструктаж по спасению самого себя на случай падения самолета с небесных высот. Потом идёт раздача конфет и паке-тиков на случай того, если конфеты в организме не прижи-вутся, как и скромный полётный паек и прочая, припасён-ная пассажирами еда и напитки. Потом, с небольшим пере-рывом, идёт собственно раздача напитков, и не успеешь ты в очередной раз смежить тяжелые веки, как тебя уже толка-ют легонько в бок: «Чё будешь – рыбу или курицу?». И если повезёт, то ещё и мясо. Потом начинается сбор коробочек из-под еды и пустых стаканчиков и прочего мусора, который в невероятных количествах плодится под, перед, вокруг каж-дого пассажира, который обустривает себе своё маленькое гнёздышко на время полета и гадит с невероятной скоростью и усердием. После кормёжки и поёшки пассажиры начинают выстраиваться змейкой в сторону ватерклозетов.

Обязательно на каждом рейсе окажется парочка детишек, которые весь полёт будут истошно вопить и скакать по са-лону, не давая покоя не только родителям, но и всему лета-ющему, подуставшему народу. В последние мои перелеты мне повезло несказанно. Во всём самолёте был один маленький вопящий ребенок и сидел он с родителями рядом со мной. Полёт прошёл в тоне.

Люблю наблюдать за людьми во время полёта. Случается очень много забавных случаев во время путешествий. Недавно, во время очередного перелёта к морям- океанам, порадовал один эпизод. Стюардессы раздавали пакетики пассажирам на случай «Если вдруг что...». Мужчина с соседнего ряда попросил двойной комплект пакетиков, на что стюардесса задала ему замечательный вопрос: «Вы что, так в себе не уверены?», на что получила, на мой взгляд, такой же замечательный ответ: «Вот как раз-то в себе я очень уверен, поэтому прошу двойной комплект».

Употребление спиртных напитков на борту самолета категорически запрещено и все об этом знают, а кто ж не знает, того оповещают об этом в самом начале полета. Но разве это когда-нибудь останавливало наш народ, который обожает действовать в обход всех правил и предостережений? Правила ведь для того и существуют, чтобы их нарушать. Иначе жить неинтересно. Пресно. Драйва не хватает, как перцу в супе. Наш находчивый и изобретательный народ наливает спиртное в бутылочки из-под колы, минералки и даже в термосА. Самые смелые просто прихлёбывают веселящий напиток, почти не таясь. По салону начинают витать запахи коньяка и мартини, а глаза пассажиров начинают зажигаться радостной искрой. Некоторые, особо часто прикладывающиеся к заветному сосуду, начинают скакать на месте озорной свиньёй, радуя глаз наливным румянцем.

Как-то летели отдыхать в Египет на новогодние праздники. Попали на такой рейс, на котором пассажиры видимо уже очень хотели начать радоваться предстоящему празднику и начали серьёзную подготовку к оному действу уже в дьюти-фри. Все радостно звенели и булькали стеклянной тарой, размеры и количество которой напугали бы до икоты любого иностранца. Наши же, уважительно, понимающе, с подбадривающими улыбками посматривали на соотечественников, мысленно представляя себе масштабы разгула. Один мужик запомнился мне особо. В праздничном костюмчике серебристого цвета, он набрал в дьюти-фри рекордное количество бутылок дорогой водки. Сидели мы во время полёта не рядом, поэтому затрудняюсь сказать сколько мужик принял на грудь во время перелёта, но в аэропорту его выгружали из самолета, как мешок с картошкой. Приобретённый за время полета приятель, с которым видимо и усугубляли, оказался немного покрепче. Бросить собутыльника в таком состоянии он не мог. А постольку, поскольку и сам нетвёрдо стоял на ногах, то товарища по возлияниям довести в горизонтальном положении просто не мог физически. Но и не оставил в бедственном положении. Серебристый мужик был в полной отключке и ему было по барабану, что дружок тащит его, как куль с мукой, полируя пол арабского аэропорта дорогим костюмчиком. Что там было дальше, я не видела. Надеюсь, что мужика как-то установили в вертикальное поло-

жение для прохода через фейс-контроль.

Всё своё детство я провела на колесах, путешествуя в поездах дальнего следования. Возможно, отсюда у меня сформировалась эта цыганская страсть к дорогам. На время, которое преодолевал поезд от Москвы до Орловской области, где, собственно, и прошло моё счастливое детство, я обычно успевала познакомиться с каким-нибудь мальчиком, примерно моего возраста. Познакомиться и прочно влюбиться в него к концу пути. Любовь чаще всего становилась взаимной и расставались маловозрастные Ромео и Джульетта обычно со слезами и рвущей сердце тоской. С тех пор во мне живет какое-то тайное ожидание необычной, судьбоносной встречи.

Дорожные романы оставили во мне ощущение ожидания всегда чего-то нового, необычного, будоражащего воображение и душу. С годами такие знакомства сошли на нет, ведь только в детстве мы так легко и непосредственно даём волю своим чувствам, так запросто знакомимся, бурно расстаемся и так же просто и легко забываем. Но волнения от тех событий моего детства, которые я испытывала во время путешествий так и остались жить во мне, не проходя с годами, и оживают каждый раз, когда я готова паковать чемоданы в дорогу.

Помимо поездов мне очень часто приходилось в детстве ездить с многочисленными родственниками на машине. Обычно мы собирались несколькими семьями, загружались в три автомобиля марки «Запорожец» и «Москвич» и ехали в лес. Благо лесов в Орловской губернии предостаточно. Ехали мы за ягодами—грибами шумной, весёлой компанией. Брала с собой вёдра-корзины, обязательно покушать – варёные яички, огурцы—помидоры со своего огорода, нехитрую колбаску, вкуснейший хлеб, пряники, компот. В перерыве между сбором грибов—ягод обязательно устраивался пикник. На траве расстилалось старое покрывало, выкладывалась снедь, и все дружно рассаживались вокруг угощения. Солнце, смешанные ароматы лесных деревьев и трав, щедро прогретых тёплыми лучами, запах спелых ягод, грибной дух, пение птиц, наш смех и весёлые разговоры делали обычную пищу такой аппетитной и вкусной. Страсть к сбору грибов осталась со мной с детства и до сей поры. А букеты из полевых трав и цветов всегда были и остаются для меня самыми любимыми.

Поездки наши всегда сопровождались задушевными, народными песнями, которые так хорошо пели мои бабушки, мама, тётушки. И я люблю петь в дороге, потому что душа моя поёт навстречу открывающимся красотам. За окном мелькают леса, поля, реки, маленькие деревеньки и большие города. Тёплый ветер развеивает волосы и бьёт в лицо. Ветер

путешествий. Ветер свободы.

Несколько лет назад в мою жизнь вернулась традиция путешествовать на машине на дальние расстояния. Дорожная лихорадка охватывает меня за несколько дней до поездки. Я начинаю писать списки необходимых вещей и продуктов. Несколько раз списки проходят корректировку, что-то вычёркивается, что-то дополняется, то, что уже уложено помечается галочкой. Каждый раз мы с супругом ведем яростную борьбу за количество упакованного в дорогу багажа, размеры которого заставляют вылезать глаза моего мужа на затылок и приводят его в конце концов в полное негодование. Я стою насмерть за тёплые вещи и медикаменты. Муж бегает вокруг машины, размахивая руками и вопрошает то ли у меня, то ли у неба – чем это таким мы должны заболеть уже в пути или на чужбине, что я чуть ли не капельницу с собой тащу. Для него существуют три препарата, которым он доверяет и считает их панацеей от всех болезней – это активированный уголь для живота, нафтизин от насморка и цитрамон от головы. Он раздражается длинной, гневной тирадой про то, что кому-то надо лечить голову, не иначе, причем желательно путем хирургического вмешательства.

Я скорбно молчу, упрямо сдвинув брови. Не спорю. Зачем? Ведь я то знаю, что стоит хоть что-то выложить из саквояжика, размером с медицинский чемоданчик, как имен-

но это что-то нам занадобится позарез. Проверено не раз! Лучше перебдеть, чем недобдеть! Потом идёт очередь резиновых сапог и теплых вещей. «Мы едем на Северный Полюс?» – ехидно спрашивает муж, тыча пальцем в штаны с начёсом и куртку на меху, взятые на случай внезапных катаклизмов. Я лепечу в ответ, что вдруг непредвиденное похолодание, и вообще, когда утром они отправляются рыбачить, то на дворе чертовски холодно. «В Астрахани? В августе? – уточняет муж. – В тридцать градусов жары в тени?». «Ну ты же знаешь как сынуля мёрзнет по утрам, я никак не могла не положить ему курточку и штанишки». «А это что?» – подозрительно спрашивает он опять, роясь в сумке, и глаза его опять начинают ползти на лоб, когда он вытаскивает из её недр на свет Божий тщательно упакованные мной тёплый свитер и шерстяные носки две пары. «Это я на всякий случай взяла. Вдруг ты ноги промочишь, замерзнешь, – тихо бормочу я и добавляю, – я же беспокоюсь о твоём здоровье». «Ты бы лучше о своём здоровье побеспокоилась!» – взывает он. – Это надо же! Едем в самое пекло, где кроме трусов вообще ничего из одежды больше не понадобится, а она полбагажника завалила тёплыми кафтанами и валенками!». Приходится смириться с таможенным досмотром и выложить недопущенные к перевозке вещи. Но сердце греет то, что на дне другой сумки лежат тёплый спортивный костюм, а в углу багажника спрятаны резиновые сапоги, про которые позабыли в пылу баталий.

Еще меня всегда терзает вопрос – что мы будем кушать во время отдыха? В магазине я набираю месячный запас круп и макарон, тушенку, сахар, соль и прочие жизненно необходимые съестные припасы. А ещё очень много воды. Я же не знаю, как там, куда мы едем, с водой. А вдруг она вообще непригодна для питья, вдруг она не устроит наши желудки? И что тогда? Страшная смерть после семи дней поноса!

Муж сурово следит за багажником, зорко охраняя подступы к машине, куда я как бы невзначай пытаюсь пронести упаковку минеральной воды, мечтая ещё о том, как бы тайно запихать в багажник канистру с питьевой водой. Мне так удаётся подобраться к охраняемому объекту и рассовать по салону несколько бутылок с живительной влагой. Канистру приходится оставить. Но мы заключаем договор, что всё-таки возьмем с собой пятилитровую баклажку с водой. Вопрос улажен.

Следующая очередь продуктов. Количество авосек и пакетов вновь повергает только- только пришедшего в себя супруга в очередной ступор. После нескольких минут гробового молчания, муж внезапно хватается руками за голову и выражение его лица подсказывает мне, что его вот-вот хватит кондратий. «Ты с ума сошла?! Куда мы всё это уместим?!

И скажи на милость – кто всю эту прорву продуктов будет есть?! Мы что, по-твоему, едем на необитаемый остров, где будем добывать себе пищу копьем и гарпуном?! Там везде ц и в и л и з а ц и я, и существует в наше время такая вещь, как магазины! Куда тебе столько пшена и гречки?! А ГОРОХ??? Ты ж его терпеть не можешь! Зачем нам столько тушенки?! Это ж целый мамонт! Мы едем ловить рыбу, из которой можно приготовить уху, пожарить, запечь, закоптить!» – в испуге кричит он. «А вдруг не поймает? А вдруг магазинов поблизости не будет? Вспомни, ведь такое уже было! И если бы не мои припасы, то нам нечего было бы есть, кроме подножного корма!» – горячо доказываю я. Я вспомнила, как умудрилась с собой взять фарш и замороженные ягоды с нашего огорода. Фарш пригодился, когда уже почти всё съели, и я нажарила что-то типа чебуреков, буквально наскребя по сусекам на тесто. А из ягод сварила компот, правда сахар к тому времени уже закончился, но мы и несладкий выпили за милую душу.

Мои припасы уполовиниваются и со скорбным кряхтением заталкиваются в багажник. Про туалетную бумагу, влажные салфетки, средство для мытья посуды и саму посуду рассказывать здесь не буду. Потому что, когда очередь доходит до них, муж мой уже близок к умственному помешательству и только издает нечленораздельные звуки, потрясая в воздухе найденной в недрах баула воронкой.

Наконец, мы всё утрамбовываем, и идём ложиться спать, чтобы на рассвете выехать в путь дорогу, пока ещё нет пробок. Первые три часа пассажиры спят, утомленные бурными сборами накануне и ранним подъёмом. Бедный шофер – мой муж – капитан нашего корабля уверенно ведёт наш кораблик по асфальтовой змее. Потом мы просыпаемся, доставим завтрак, бережно мной упакованный с вечера. Настроение улучшается на глазах. Я начинаю напевать песни, глазаю по сторонам и радуюсь жизни.

Грибники

Ооо, как я люблю собирать грибы!!! Как Винни-Пух любит мёд, так я люблю собирать грибы, и никакие обстоятельства, преграды типа плохой погоды, соплей из носа, и даже угрозы заблудиться навсегда в лесных чащобах, меня не останавливают от желания испытать то самое волшебное состояние. Обостряется многократно зрение, становится прямо-таки периферическим, что помогает видеть грибы спереди, сверху, с боков и даже чуть сзади. Интуиции моей в тот момент позавидует любой, потому что за даже «чуть сзади» я угадываю ещё одну грибную особь съедобного вида. Нюх тоже на высоте, соседский элитный пёс-медалист отдыхает. Я чувствую грибы за версту и иду на них, как Нийя в «Через тернии к звездам» по позывному в голове «Иди на Астру, иди на Астру!».

В лесу я теряю всякое ощущение реальности, какая там ориентировка на местности! Я забываю в каком конкретно месте я нахожусь, потому как одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю и так далее, только ягодки заменяю грибами, и вот мы уже вообще не понимаем где север, где юг и все остальные стороны света. Хорошо, что их не так много. В тяжелые моменты грибной лихорадки, когда часа через два я слегка приходила в себя с мыслью: «Где я?», задрав

голову кверху, потому как только там ещё был виден кусочек неба, размером с носовой платок, я понимала, что всё... Я заблудилась в этом заколдованном лесу. Обычно со мной в паре была такая же сумасшедшая грибница, как и я – моя тётя. В байковом халате, в дачных пластиковых галошах синего цвета на босу ногу и на размер больше, с мусором листьев, мелких палочек и паучков на голове, моя крёстная была неописуемо хороша. Сначала мы отупело вертели головами по сторонам, вспоминая из школьной программы по биологии что-то про мхи и лишайники, растущие с северной стороны, пытались понять, где у нас юг, где север по правой и левой рукам. Прислушивались, вытянувшись как у лисички-фенёк ушами – не слышно ли в какой стороне проехала электричка или залаяла собака, посаженная возле дома на цепь. Если ничего не помогало, тогда оставалось сделать звонок другу. Друг у меня в этот момент был один в этой беде – мой папа. Папа всегда очень переживал, ругался, что я опять пошла в лес, так далеко и почти одна (крёстная не считается, потому что она такой же даун в нахождении себя относительно населенных пунктов в лесу, как и я). Потом начинались чудеса. Папа ориентировал меня на расстоянии телефонного звонка по солнцу (оно, правда, не всегда было), по деревьям, чуть ли не по запахам. И всегда выводил к людям.

Однажды мы заблудились конкретно. Есть такие места

в лесу, блудные или как их там называют, когда в них попадаешь, то кружишь и кружишь, как ненормальный, и выбраться не свет Божий не можешь никак. Вот однажды мы в пылу грибной лихорадки, будучи не одни, а с детьми 4-х и 8-ми лет от роду, попали в такое место. Вроде вон уже и просвет, и электрички слышны, и собаки лают, ан нет, а за деревом дерево, а за деревом дерево... В такие моменты невольно начинаешь ускоряться, прибавляешь ходу и прыти. Как будто это может как-то помочь найти дорогу. Через полчаса мы уже носились кругами и зигзагами по лесу, с ребёнком поменьше на закорках у крёстной, и на буксире за руку у меня постарше. Мелкий ещё не очень понимал нашей лёгкой паники, ему было хорошо сидеть наверху, он даже начал как-то немного задрёмывать. А вот старший смекнул по озабоченным выражениям наших лиц, по скорости, с которой мы прокладывали себе дорогу среди трав лесных и многочисленных деревьев, что что-то пошло не так. По обрывкам наших фраз, он понял, что может так случиться, что напрасно старушка ждёт сына домой. Бедный ребёнок готов был заплакать, но мы бодро и находчиво объяснили ему, что вот-вот выйдем из лесу, что просто тропинка с нами играет в прятки-догонялки, и это очень даже здорово, это такая игра, кто найдет тропинку из лесу быстрее всех, того ждёт приз – порог родного дома и вкусные грибы на обед.

Из лесу мы-таки выбрались, как вы догадались, иначе бы

я не писала сейчас этих строк. Но перепугались мы тогда не на шутку и выйдя из леса, дали слово, что больше в лес ни ногой.

Мужская нежность

Ленкина свекровь часто говорила ей: «Не надо придавать слишком большое значение обидным и даже может быть грубым словам и поступкам мужа. Мужчины часто скрывают под этим свои истинные чувства. Просто им неловко их показать, они ведь должны быть сильными и суровыми». Помните, как в фильме: «Я – солдат и не знаю слов любви...». Свекровь говорила, что надо всегда обращать внимание на поступки. Только они отображают истинное положение вещей.

Ленка честно пыталась разглядеть за большой навозной кучей признаки нежности, любви и доброты. Она никак не могла понять, что если ей каждый день на все её действия и поступки, объясняют, что она тупая, как сибирский валежник, а может ещё тупее, то это просто хорошо закамуфлированный признак нежности. И то, что почти каждый день она тягала какие-то тяжести, волокла из магазина неподъёмные сумки, а муж при этом внимательно следил за её действиями, как за разворачивающимся сюжетом на экране, или в это время с увлечением читал очередную книгу, то это было нечто иное, как забота о её физическом развитии. Чтобы она смогла нарастить мощный мышечный каркас и в особенности укрепить силу рук, чтобы в случае чего можно было бы легко поднять небольшой запорожец.

Это как в том анекдоте, где сосед смотрит за забор к своему соседу и видит, как жена его мечется от плиты к стирке, от уборки к детям. То в огород побежала, то вдруг крышу полезла латать. А муж лежит себе в тенечке яблоневого сада в гамаке, подремывает, отдыхает. Сосед не выдержал и спрашивает: «Чего это ты разлѣгся, а баба твоя носится, как угорелая, за все дела хватается?». На что мужик ему отвечает: «Ну, ты сам подумай, вдруг война начнѣтся, а я уставший?». Выходит, что Ленка вот уже 12 лет готовилась к военным действиям, вернее, муж её готовился. Чтобы при первых сигналах тревоги можно было бы легко и бережно перенести мужа в укромное и безопасное место, чтобы при нападении коварного неприятеля, он, отдохнувший и полный сил, мог защитить Ленку и всю её семью.

Когда мы встречались с ней время от времени, чтобы поболтать за жизнь, она часто сетовала мне, что видимо неправильно воспринимает звуковые сигналы, исходящие от мужа, видимо что-то у неё там в голове замкнуло, и она никак не хочет понять, что если он орет на неё и стучит кулаком по столу, то всё это для её же блага. Просто он сильно волнуется за неё, пытается уберечь от ошибок и жизненных невзгод, как неразумное дитя, а значит, глубоко в душе, очень любит. Просто по-другому стесняется показать ей свои чувства и заботу. Чтобы ушлые соседи и близкие друзья

не догадались о том, что он на самом деле плачет от нежности ночами в подушку, что он переполнен этой самой нежностью и ему трудно скрывать её в своем мужском, суровом сердце. Поэтому днём он должен громко кричать на свою жену Ленку, вращая глазами, и от переполняющих эмоций дополнительно стучать кулаком по столу. Чтобы уж наверняка никто не догадался (ни-ни!) о том, как сильно и глубоко он может любить.

Родственники с годами перестали вздрагивать и обращать внимание на такие странные способы проявления внимания к жене со стороны мужа. И когда уж он особенно сильно выплескивал на неё свои чувства, Ленка всё-таки терялась, обижалась и начинала плакать. Её, как могли, успокаивали, гладили по голове, как малого ребенка, добрыми голосами советовали не обращать внимания на такие мелочи, ведь на самом деле он её, Ленку, любит. При этом Ленке всегда казалось, что они так горячо и проникновенно ей это втолковывают, что казалось, пытаются убедить в первую очередь в этом себя, а не её.

За много лет она должна была бы ко всему этому привыкнуть и научиться, так сказать, отделять зёрна от плевел. Но, видимо, в умных книжках, которые Ленка успевала когда-то читать в вечной круговерти бесконечных дел, знающие специалисты объясняли, что если тебе постоянно втол-

ковывают, что у тебя руки не оттуда растут, потому что ты криво прибила на кухне полочку для специй, не помогают тебе донести сумки из магазина, не проявляют никакого к тебе положительного внимания, то это самая обычная, ничем неприкрытая грубость, и даже жестокость. Если ты забыла, когда муж тебя в последний раз целовал и называл солнышком и рыбкой, то сколько бы раз за день он не хватал тебя за округлости и выпуклости с радостным ржанием, это не есть признак сильной любви и страсти. Особенно, если при этом ты ощущаешь себя коровой на рынке, которую выставили на продажу.

В конце концов, Ленка сдалась и подала на развод, не в силах больше разгадывать ребусы и загадки в поведении мужа и его к ней отношении.

Ей хотелось, чтобы её хвалили, когда она заслуживает и просто так, без повода, целовали не по большому одолжению и праздникам, а просто потому, что она женщина, привлекательная и обаятельная.

Муж так и не понял – чего это она... Он никак не мог взять в толк, чего Ленке не хватало, ведь как сыр в масле каталась, обута, одета, на курорты с ним ездит, ничего он для неё не жалеет... Он с обидой рассказывал всем, кто готов был слушать, что все бабы дуры, и вообще странные суще-

ства, действия и поступки которых ему никогда не понять.

А Ленка, наконец, встретила того, кто стал называть её солнышком, встречал после работы, не позволял носить тяжёлые сумки и дарил цветы, просто так, безо всякого повода.

Ленка расцвела и поняла, что она всё правильно сделала и расценила в этой жизни, просто её вводили в заблуждение. А может она сама хотела позволить ввести себя в заблуждение, потому что так хочется верить в то, что тебя всё—таки любят и ценят, вопреки всему, просто потому что ты есть на свете. Одна такая, неповторимая и ни на кого непохожая.

Козлиное счастье

Всё-таки как много в нас от животных — мы испытываем огромное удовольствие, когда много и вкусно едим, греемся на тёплом солнышке, испытываем блаженство, когда чьи-то руки нас гладят, ласкают. Всё это проявления наших желаний на самом низшем, первобытном уровне, простое такое счастье, которое мы получаем на физическом уровне. А ведь если подумать, то оно чаще всего главнее, чем эстетическое, духовное. Вот вы, например, будете блаженно уноситься мысленно к звёздам, слушая прекрасную музыку, если пару-тройку дней ничего не ели? Да вам всё равно будет, что там звучит! Вы будете плакать не от умиления и чистого чувства, а от того, что ваш желудок набатом звучит у вас в ушах, перекрывая все звуки внешнего мира, и вы будете тупо хотеть только одного — набросать в своё нутро хоть какой-нибудь еды, чтобы не оглохнуть от звуков утробного урчания, и не сойти с ума от голодухи. Конечно, интересно голодать под Чайковского или Штраусса, слизывая солёные слёзы языком за неимением лучшего.

Или вот, например, перед вами много еды на любой вкус, и музыка прекрасная льётся и ласкает ваш слух. Но вы абсолютно обнажены, а вокруг холод, который просачивается через каждую клеточку вашей кожи как холодная змея, и вас

уже не радует ни убранство роскошной комнаты, где вы находитесь, ни изысканная еда, ни нежная, берущая за душу музыка. В вас звучит одно желание – согреться любой ценой, и пропади оно пропадом, вся эта красота и роскошь вокруг.

Выходит, что потребность время от времени что-то жевать, желательно находясь при этом в тепле, не важно – в бардаке или в чистоте, важнее, чем всё остальное. Не может быть человек счастлив, когда он голоден и ему холодно. Не может он быть счастлив, когда нет возможности удовлетворить свои самые простые естественные потребности. Наверное, каждый из вас когда-нибудь попадал в такую ситуацию – бежишь стремглав, не замечая ничего вокруг, не разбирая дороги, с крепко сжатыми ягодицами и под завязку переполненным мочевым пузырьком в спасительное место под названием Эм или Жо, в зависимости от вашего пола. И нет ничего прекраснее сейчас для вас этого самого заведения. И попадая туда, понимаешь – вот оно, совершеннейшее счастье из всех счастливых. Мгновенное, острое, вызывающее мучительные стоны облегчения и радости.

Вот люди после войны были счастливы, когда удавалось достать какую-нибудь незатейливую пищу и одежду. Они умели радоваться самым простым вещам, потому что страдались от голода и холода в войну. Сейчас, когда всё есть, и даже более того, народ потерял эту способность – ра-

доваться и быть счастливыми от мелочей.

Вот сидит красивая девушка рядом со мной. Она сыта и одета. У неё есть родители, братья и сёстры. Дом у неё – полная чаша, сама она умница с далеко идущими перспективами. А она сидит и плачет, и она несчастна. А почему? Не может объяснить. Она ходит два раза в неделю к психологу, пытается найти смысл жизни, и кажется, вот-вот поймёт, в чём же секрет – секрет душевного спокойствия и счастья. Но он ускользает...

Хочется рассказать ей притчу о козе. Пришёл мужик к мудрецу и начал жаловаться, что живёт в такое тесноте, в крохотной комнатухе, с женой, кучей ребятишек, да ещё и тёща в придачу. Такой это ужас, просто хоть ложись и помирай. Что делать ему, как быть? Мудрец советует ему привести в дом козу. Мужик в недоумении, но слушает умного человека и приводит в дом козу. Через некоторое время мудрец встречает опять этого мужика, несчастного, плачущего, и спрашивает, как тому живётся. «Ужас! Жизни совсем не стало! Мало того, что все друг у друга на головах сидят, а тут ещё коза – вони от неё, грязи!». Мудрец приказывает мужику избавиться от козы. Встречает его через некоторое время снова со счастливой улыбкой на лице. «Ну как ты теперь живёшь?», спрашивает мудрец, «Отлично! Все счастливы. Воздух чистый – ни вони, ни грязи! Спасибо тебе, ты

нас просто спас!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.